



СООБЩЕНИЯ

Славяноведение, 2023, № 3, с. 81–94

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 3, pp. 81–94

DOI: 10.31857/S0869544X0025877-7

Оригинальная статья / Original Article

Контактные явления в сфере языка и традиционной культуры у словенцев долины Натизоне и Тера (по данным экспедиции 2022 года)

© 2023 г. Г.П. Пилипенко, М.В. Ясинская

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

glebpilipenko@mail.ru; jasinskaja.inslav@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ № 20-78-10030
«Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций
у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

Аннотация. В статье обсуждаются интерферентные явления в речи, а также некоторые лексические заимствования в сфере традиционной духовной культуры у словенцев, проживающих в провинции Удине (Италия). Материалом послужили данные, полученные в ходе полевого исследования 2022 г. Отдельное внимание уделяется анализу трансграничных нарративов и прозвищ, связанных с пограничным расположением края. В ходе экспедиции также удалось записать рассказы о трудовой миграции словенцев в другие страны, в частности в Бельгию и Аргентину. Были задокументированы надписи на надгробиях на кладбищах обследованного региона, а также описываются обычаи, которые связаны с поминальными днями – 1 и 2 ноября. В заключение приводятся расшифрованные тексты, в том числе фольклорные (сказки), которые интересны многочисленными заимствованиями из окружающих романских языков.

Ключевые слова: словенский язык, полевое исследование, языковая ситуация, итальянский язык, традиционная культура, диалект, пограничье.

Ссылка для цитирования: Пилипенко Г.П., Ясинская М.В. Контактные явления в сфере языка и традиционной культуры у словенцев долины Натизоне и Тера (по данным экспедиции 2022 года) // *Славяноведение*. 2023. № 3. С. 81–94. DOI: 10.31857/S0869544X0025877-7

Contact Phenomena in the Field of Language and Traditional Culture of the Slovenes Living in Natisone Valley and Ter Valley (According to the 2022 Field Research)

© 2023. Gleb P. Pilipenko, Maria V. Yasinskaya

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

glebpilipenko@mail.ru; jasinskaja.inslav@gmail.com

The reported study was funded by Russian scientific foundation, project no. 20-78-10030 «The language and cultural contact during the social transformations among the national minorities in Alpine-Pannonian region»

Abstract. The paper discusses the interference phenomena in the speech of informants as well as some lexical borrowings in the sphere of traditional spiritual culture. The results are based on the 2022 field research carrying out among Slovene community in the province of Udine (Italy). Special attention is paid to the analysis of cross-border narratives and nicknames associated with the border location of the region. During the field study, it was also possible to record stories about the labor migration of Slovenes to other countries, in particular, to Belgium and Argentina. Inscriptions on tombstones in cemeteries in this region were documented, as well as customs related to memorial days, November 1 and 2, are described in the paper. In conclusion, the transcribed texts are given, including folklore texts (fairy tales), which are interesting due to numerous borrowings from the surrounding Romance languages.

Keywords: Slovenian language, field research, language situation, Italian language, traditional culture, dialect, borderland.

Reference for citation: *Pilipenko Gleb P., Yasinskaya Maria V.* Contact Phenomena in the Field of Language and Traditional Culture of the Slovenes Living in Natisone Valley and Ter Valley (According to the 2022 Field Research) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2023. No. 3. Pp. 81–94. DOI:10.31857/S0869544X0025877-7

В конце октября – начале ноября 2022 г. научные сотрудники Института славяноведения РАН канд. филол. наук Г.П. Пилипенко и канд. филол. наук М.В. Ясинская предприняли полевое исследование среди словенцев, проживающих на итальянско-словенском пограничье в провинции Удине. Речь идет об обследовании двух долин – долины реки Натизоне (словен. Надижа) и долины реки Тер. Ранее этот регион уже становился объектом изучения авторов (см. [2; 3; 6]). В 2022 г. удалось посетить населенные пункты, которые в предыдущих экспедициях не были затронуты (Скрутто, Мерсо-ди-Сопра, Клодич, Козицца, Дренкья, Брежье, Ацида, Тринко, всего было опрошено 26 информантов 1933–1962 годов рождения, общий объем аудиозаписей – более 25 часов, видеозаписей – 1,5 часа). Исследование проводилось с целью фиксации уже устоявшихся и новейших контактных элементов в языке и традиционной культуре словенцев провинции Удине.

В беседах с информантами часто звучала тема границы и жизни на пограничье (см. также о пограничье в соседней провинции Гориция [5]). В воспоминаниях жителей приграничных деревень можно найти свидетельства о межвоенном периоде, когда сегодняшней границы не было. Так, жители деревни Дренкья ходили на ярмарки в город Толмин, расположенный в Словении, а собеседники из деревень Терской долины (Платискис, Монтемаджоре, Проссеникко) посещали словенские деревни (Брегинь, Робидишче). Были записаны рассказы о жизни на пограничье и после 1945 г. В то время жители приграничных районов могли посещать Югославию по специальным разрешениям (*osebna prepustnica*), в основном шли пешком в гости к родственникам, а также чтобы купить некоторые товары, например масло (*so hodil po špéžo* «ходили за покупками», ит. *spesa* ‘покупка’). До сих пор живы в воспоминаниях собеседников истории о контрабанде (*kontraband*) сигарет, алкоголя из Югославии в Италию.

В речи наших собеседников подтвердилось широкое функционирование терминов *onéjas*, *onéjka* (букв. «тот, кто с той стороны (границы)») для наименования словенцев, проживающих в Словении. Термин известен в двух долинах, однако его значение и внутренняя форма осознаются не всеми информантами (об этом

термине подробнее см. [9. S. 309–310]). В ходе полевой работы в деревне Мазаролис был отмечен еще один термин, который использовался для обозначения жителей по ту сторону границы – *sesárac, sesárci*. Внутренняя форма слова отсылает к существительному *cesarstvo* (империя), которое относится к Австрийской империи (существующая граница долгое время разделяла Венецианскую республику и Австрийскую империю, позже Италию и Австро-Венгрию). Впоследствии, во второй половине XIX в., получил распространение политически окрашенный термин, заимствованный из итальянского языка *titino, titina, titini* – «титовец» (от Йосип Броз Тито), таким образом могли именовать не только жителей Югославии, но и словенцев Италии, занимающих определенную политическую позицию. В зависимости от политических взглядов говорящих он мог использоваться с пейоративным оттенком.

В ходе интервью был отмечен ряд контактных явлений, обусловленных взаимодействием с преобладающими романскими языками – итальянским и фриульским. Наши собеседники отмечали, что итальянский язык получил широкое распространение в этом регионе только после вхождения в состав Италии (1866 г.), и особенно его влияние усилилось в период фашизма. Ввиду отсутствия школ со словенским языком обучения словенский язык все более вытеснялся в сферу внутрисемейного общения¹. Этому способствовало назначение учителей в школы региона из других областей Италии (преимущественно южан), кроме того, в приходы также зачастую назначались священники, не говорившие по-словенски. Знание фриульского языка было необходимо для торговых контактов в ближайшем городе – Чивидале-дель-Фриули. Из интересных контактных явлений стоит отметить проникновение многофункционального итальянского предлога *di* в разные по своей типологической природе конструкции. Так, в деревне Мазаролис было зафиксировано высказывание *pensán di ja* «думаю, что да». Помимо романского по происхождению глагола *pensát* (ср. ит. *pensare*), который изменяется в соответствии с правилами словенского диалекта изучаемого региона [10. S. 166], употреблен итальянский предлог *di*, характерный для аналогичной итальянской конструкции (*penso di sì*). Утвердительная частица, следующая за предлогом, – словенская. Появлению итальянского предлога могла способствовать аттракция с подобной по значению, но иначе синтаксически организованной словенской конструкцией, в которой предлог итальянский *di* может отождествляться со словенским изъяснительным союзом *de* ‘что’ [10. S. 38] (ср. словен. диал. *pensan, de ja*, словен. *mislím, da ja* «думаю, что да»). Случаи использования *di* не единичны. В примере, записанном в деревне Клодич, мы видим следующее: *san čula γlas proprio di deléč* «я слышала голос издалека», где *di* является частью двусоставного наречия *di deleč*, ср. словен. *od daleč* «издалека». Интересно то, что в идентичном по значению итальянском наречии используется другой предлог – *da*: *da lontano* «издалека». Таким образом, мы имеем дело с заимствованным первым элементом в составе наречия, что не является чем-то необычным с точки зрения модели образования, если вспомнить составные предлоги типа *fin do* «до» в исследуемых диалектах [1]. Показательным является использование этого итальянского элемента после заимствованного наречия *proprio*. В конструкции *judjé delle valli* «люди из долин», зафиксированной также в деревне Мазаролис, где выступает предлог *di*, правомернее говорить о переключении кода, поскольку за предлогом

¹ Ситуация в сфере образования на словенском языке начала меняться в начале 2000-х годов с учреждением двуязычного детского сада и школы в городе Сан-Пьетро-аль-Натизоне.

(в слитной форме с определенным артиклем ж.р. мн.ч.) следует итальянское неадаптированное существительное:

Многочисленны случаи адаптации итальянских по происхождению глаголов, зафиксированы примеры их использования как без словенского суффикса *-(a) va-*, так и с этим суффиксом. Примеры, записанные в деревне Сорценти: *ralentáš mákinu* (*rallentare* – замедлять) «замедлишь машину», *mené me su telefonál* (*telefonare* – звонить по телефону) «мне звонили по телефону»; примеры из деревни Клодич: *víno so imbotiljával* (*imbottigliare* – ‘разливать по бутылкам’) «вино разливали по бутылкам», *mi smo parkedžával mákinu* (*parcheggiare* – ‘парковать’) «мы парковали машину». Во всех приведенных примерах инкорпорирование итальянских глаголов в словенские диалекты происходит от основы без инфинитивного окончания *-re*.

Следует также обратить внимание на конструкции с удвоением личного местоимения, которые довольно частотны и встречаются во всех населенных пунктах. В зафиксированных примерах удвоение личного местоимения происходит, когда оно используется в начале клаузулы: *mi se pari mené* «мне кажется» (Мазаролис), *mené me ni nobédan poviédal* «мне никто не сказал» (Сорценти), *nje su ji néšli žúpo* «ей несли суп» (Сорценти), *mené me ne príde* «мне не приходит (мысль)» (Кросту), *mené mi dála máma škátulo* «мне дала мама коробку» (Клодич). Данная черта является характерной для изучаемых диалектов [12. S. 76–77].

Перечисление всех заимствованных лексических элементов из романских языков заняло бы много места, отметим лишь некоторые нетривиальные случаи. В высказывании из Сорценти находим заимствованное существительное ж.р. без признаков словоизменения после словенского глагола: *gliédal čínema* (*cinema* ‘кино’). Ожидаемого окончания *-o/-u*, характерного для существительных ж.р. ед.ч. в вин.п., мы не обнаруживаем. Сочетания *iméti ražón* ‘быть правым’, *bíti konténi* ‘быть довольным’ содержат словенский глагол и второй итальянский элемент – существительное (*ražón*) и прилагательное (*konténi*) и являются аналогами сходных по построению итальянских конструкций *avere ragione, essere contento*. В Сан-Пьетро-аль-Натизоне записана фраза: *umárta apéna rojená* («умерла только родившись»), где заимствованным является наречие *appena*. В Сорценти встретился предлог *fra*, который функционирует наряду с исконным предлогом *med*. После этого предлога употребляются имена и местоимения в именительном падеже: *so se kréjali fra oni* «они между собой ругались» (см. подробнее об этом предлоге [1]).

В местных диалектах встречается много романизмов. Так, например, в лексике родильной обрядности были отмечены в том числе заимствования из фриульского языка: *litvána* [10. S. 95] ‘роженица’, *komár* [10. S. 82] ‘повитуха» (Сорценти, Клодич), *baštard* ‘внебрачный ребенок’ (Проссеникко). Отмечалась также исконная лексика: ‘беременная женщина’: *širóka, nosná, čáka* (дословно – «ждет») (Сорценти). В лексико-семантической группе «деньги» отмечено повсеместное использование заимствованных лексем *sowdi* ‘деньги’, *lira* ‘лира’, *frank* ‘франк, монета’. Старшие собеседники отмечали, что вплоть до второй половины XX в. чаще употребляли лексему *frank* (Козицца-ди-Сопра).

Особое внимание исследователей в рамках полевой работы было посвящено поиску семейной корреспонденции, в которой могут содержаться тексты на двух языках, в том числе на местном словенском диалекте. Нам удалось получить сведения о существовании подобных писем в прошлом. Так, собеседница из Сан-Пьетро-аль-Натизоне подтвердила, что ее родители, долгое время проживавшие в Бельгии, где работали на производстве, переписывались с родственниками в Италии. К сожалению, эти письма не сохранились, однако в нашем распоряжении оказались письма и открытки, хранящиеся в музее в Дренкье. Это

корреспонденция начиная с 1920-х годов велась на итальянском, немецком, английском языках. В музейном архиве также хранятся письма родственников, эмигрировавших в начале XX в. в Аргентину. Все они написаны на итальянском языке.

По рассказам собеседников, в Аргентине существует сообщество потомков переселенцев, словенцев из Надижской и Терской долин, многие до сих пор сохраняют родственные связи. Потомки словенцев, эмигрировавших из провинции Удине в Аргентину, по большей части являются членами итальянских сообществ, в частности мигрантов из области Фриули. Эти сведения представляют интерес для наших исследований, поскольку открывают перспективу изучения словенского сообщества в Италии в условиях миграции в страны Южной Америки. Другим направлением для миграции была Бельгия: с ней послевоенная Италия заключила договор, согласно которому итальянские граждане могли устраиваться на работу в этой стране. Выходцы из провинции Удине, словенцы, работали преимущественно в шахтах, нередко образуя компактные поселения в бельгийских городах. Потомки переселенцев и сегодня живут в Бельгии.

Еще одной важной задачей исследователей было документирование эпитафий. Были сделаны фотографии надгробий на кладбищах в Мазаролисе, Красе, Просеникко, Лузевере. Следует констатировать, что сохраняющиеся в мемориальном пространстве кладбища надписи на словенском языке немногочисленны. Например, в Лузевере были обнаружены следующие надписи: MICOTTIS / ASSUNTA / «EUGENIA» / N 5 9 1910 / M 23 3 1979 / NAŠA MAMA (данную эпитафию можно считать двуязычной, поскольку N и M являются аббревиатурами от итальянских словоформ (N – nato(a) «рожденный(ая)», M – morto(a) «умерший(ая)») (Микоттис / Ассунта / «Евгения» / Рожденная / 5 9 1910 / Умершая 23 1979 / Наша мама); Ernesto / Cerno / 8 11 1925 / 4 2 1994 / POČIVI NA / NJIVI RAJA (Эрнесто / Черно / 8 11 1925 / 4 2 1994 / Покойся на ниве рая); Graziana / Sinicco / 9 2 19 40 / 16 8 2005 / živíš tou / našem srcu (Грациана / Синикко / 9 2 1940 / 16 8 2005 / Ты живешь / в нашем сердце); SINICCO ADALGISA IRMA / GIANCARLO SCALA / POJTA Z BUAN (Синикко Адальджиза Ирма / Жанкарло Скала / иди-те с Богом); RODOLFO CERNO / MARIA EUFRASIA MICOTTIS / ŽIVITA V SRCU / POČIVAJTA NA RAJU / VIVETE NEL CUORE / RIPOSATE NEL CIELO (Родольфо Черно / Мария Эвфразия Микоттис / живите в сердце / покойтесь в раю). Среди надписей некрополя в Лузевере обращает на себя внимание двуязычная надпись на могиле Вильема Черно, словенского просветителя, посвятившего жизнь сохранению словенского языка и культуры в Терской долине, с которым нам посчастливилось познакомиться в Лузевере в июне 2017 г.: CERNO GUIGLIELMO / VILJEM / 27.7.1937–22.7.2017 / Tvoja beseda / je seme trav / med njivami, / ki ne pusti / umreti srcu. / Je vonj / sežganega trnja / na poti / v novo življenje! / La Tua parola / è il seme delle erbe / tra i campi / che non lascia / morire il cuore. / È l'odore / dei rovi bruciati / nel viaggio / verso la nuova vita! (Черно Гильельмо / Вильем / 27.7.1937–22.7.2017 / Твое слово / семя трав / среди полей, которое не дает / сердцу умереть. / Они запах / сожжённых шипов / по дороге / к новой жизни!). Большая часть надгробий на итальянском языке содержит предельно лаконичные формулы эпитафий: MATILDE / BUCOVAZ / VED. TRUSGNACH / 21 11 1919 / 14 1 2000 / I TUOI CARI (Матильде Буковац / вдова Трушняк 21 11 1919 / 14 1 2000 / Твои дорогие). Некоторые надгробия являются кенотафами – они установлены в память умерших в других странах, в частности в Бельгии: UN TRAGICO INCIDENTE STRADALE / HA TRONCATO LA GIOVANE VITA DI / BOREANAZ EDIGIO / LASCIANDO NEL DOLORE / I SUOI CARI PARENTI E PAESANI / CHE DAL BELGIO LO RICORDANO / N. 1

9 1933 / MASAROLIS / M. 12 9 1955 / JUNET – BELGIO (Трагическая авария / преврала молодую жизнь / Борезаназа Эдиджио, / оставив в боли / его родственников и жителей деревни, / которые из Бельгии его помнят / Рожден 1 9 1933 / Мазаролис / Умер 19 9 1955 / Женет, Бельгия). Несколько надписей на словенском языке, более пространные, были обнаружены на кладбище в Красе, все они датируются первой половиной XX в. Например, эпитафия на словенском литературном языке: TUKAJ V MIRU GOSPODOVEM / POČIVA / ČIČIGOJ JOŽEF / VSE HVALE VREDEN / KRŠČANSKI MOŽ / MODER IN SKRBEN OČE / PRIDEN IN NADARJEN / GOSPODAR / ROJEN 12 9 1876 / UMRL 31 12 1946 / VEČNA LUČ NAJ MU SVETLI (Здесь в мире господнем / покоится / Чичигой Йозеф / Всех похвал достойный / христианин, / мудрый и заботливый отец, / добропорядочный и талантливый / хозяин / рожден 12 9 1876 / скончался 31 12 1946. / Пусть вечный свет ему светит). На кладбище в Просенникко были задокументированы надписи на французском языке, оставленные потомками, проживающими во франкоговорящих странах, друзьями и коллегами умерших: Un souvenir / ne meurt jamais / il s'endort / simplement / Le Personnel de la Société / BARNEAUD et GIRAUD (Память / никогда не умирает, / она только засыпает. / Сотрудники Общества / Берно и Жиро).

Функционирование языков при совершении обрядов представляет интерес как для социолингвистики, так и для этнолингвистики и фольклористики. Примером тому может служить одновременное чтение молитв на итальянском и словенском языках во время обходов домов 1 ноября (на День всех святых), что нам удалось наблюдать в деревне Козицца-ди-Сопра. Дети из местной начальной школы молились на итальянском (*Santa Maria, madre del Dio* «Святая Мария, Матерь Божья»; *Padre nostro* «Отче наш» и др.) и на словенском языках в домах, куда они приходили, хозяева в ответ давали им деньги. Словенские молитвы при этом читаются на диалекте. До настоящего времени данный обычай называется *brat/pobirat hliebce/priešče* «брат/собирать хлебцы», так как прежде детям в ответ на молитвы за умерших давали булочки, которые они складывали в специально приготовленные мешки². Пожилые жители деревни вспоминали, что, когда они были детьми, молитвы при обходах домов читали исключительно на словенском языке, поскольку в деревне не было итальянского священника. Сегодня для детей, происходящих зачастую из смешанных семей, словенский язык не является первым. Во время богослужений на 1 ноября в Лузевере читались отрывки из Евангелия и некоторые молитвы на терском диалекте, в церкви в Красе во время мессы 2 ноября хор исполнял молитвы мессы за умерших (*mrtvaška maša*) на местном словенском диалекте³. При этом, по свидетельству наших информантов, мелодия данных молитв не имеет нотной записи, женщины старшего поколения исполняют ее по памяти, так, как переняли их от своих родителей и дедов. Исследователи наблюдали, как после завершения службы священник (фриул) отправился

² По свидетельству наших собеседников, данный обычай имел еще и практическое значение – собрать как можно больше хлеба для семьи, поэтому наряду с дневными детскими обходами упоминались вечерние обходы, совершаемые взрослыми из бедных семей: хлеба могли набрать столько, что его хватало на несколько недель. Впоследствии, когда бедность осталась в прошлом, дети стали относиться к данному обычаю без прежнего почтения и могли ради шутки скормить хлебцы скотине (об этом сообщила информантка 1966 г.р., т.е. речь идет примерно о 70-х годах XX в.).

³ Некоторые религиозные песни на словенском языке (как на литературном, так и на диалекте) публикуются в приходских сборниках. В частности, в книге, изданной приходом в Сан-Пьетро-аль-Натизоне и Пульфери, – «E danzando canteranno...» libretto dei canti delle comunità («И, танцуя, они поют...» Брошюра песен общины).

на расположенное рядом с церковью кладбище, там он совершил обход могил⁴, окропил их святой водой, произнося молитвы по-итальянски и по-латыни, а за ним прихожанка церкви, сопровождающая его во время обхода, переводила эти молитвы на словенский язык. В некоторых населенных пунктах мы столкнулись с тем, что молитвы на словенском языке не знакомы нашим собеседникам, что они объясняли отсутствием словенских священников и прекращением использования словенского языка в церкви. Использование словенского языка в религиозной сфере было крайне важным, его значение подчеркнул в интервью с исследователями и словенский священник из Подутаны дон Марино Квалицца, когда обратился к событиям, связанным с Мадонной, явившейся недалеко от д. Порзус (Терская долина). Среди жителей Терской долины распространена легенда о чудесном явлении Божьей Матери девочке, которую мать послала работать в воскресный день. Характерной особенностью легенды является то, что Божья Мать, обращаясь к девочке, говорила на словенском языке [8. S. 150–159]. Присутствие словенского языка можно обнаружить и внутри церкви. Так, в церкви Лузеверы на образах Крестного пути (12 изображений) выполнены надписи на терском диалекте, например JEZUS TU UARTU OD GETSEMANI «Иисус в Гефсиманском саду» и др.

В целом время проведения полевого исследования – конец октября и начало ноября определило главную календарную доминанту, на которой строились беседы с информантами. Это календарные поминальные дни 1 и 2 ноября – общие для всех католиков поминальные дни. Помимо упомянутых месс за умерших, посещения кладбищ, обычая брать хлебцы, наши собеседники рассказывали о том, что в эти дни умершие, по поверьям, посещают свои дома. Данные мифологические представления легли в основу обрядности этих дней: было принято оставлять для умерших на столе пищу (каштаны (*búrje*), хлеб, вино или воду). Для Терской долины характерно специальное поминальное блюдо – *ocikana*, или *polénta políta*, представляющая собой поленту (кашу из кукурузной муки), покрошенную на куски и обильно политую маслом (в настоящее время это блюдо входит в меню местных кафе и ресторанов, особенно популярно оно в эти дни – 1 и 2 ноября, однако, по желанию клиентов, может быть приготовлено и в другое время). Также в домах на ночь оставляли зажженным свет, «чтобы мертвые не сбились с пути». «*Kar se pride po kruh, smo hodil molít po hišah za te martve, san paržyala dvie kandeled, celo nuoc ta par nas tle je bla luč paržyana, de pridijo damú ti martvi, an uodó pustil ta na miz, saldo no staklenico uodé al pa kar je bluo, al vino, kiek so moral pustit*» (Когда идут за хлебом, мы ходили и читали молитвы по домам за мертвых. Я зажгла две свечи, целую ночь у нас был зажжен свет, так как домой приходят мертвые, и мы оставляли на столе бутылку воды или что было, или вино, что-то должны были оставить) (М.П., Клодич). Считалось, что, если родные не оставляли для покойников пищу, те плакали, возвращаясь к себе на тот свет, а если оставляли – веселились. Сами души были невидимы, но их следы можно было обнаружить на рассыпанном на полу пепле (Таморис). В эти дни запрещалось подметать в доме, чтобы «не вымести души умерших» (Сорценто). Было записано несколько мифологических рассказов о том, что у мертвых в эти дни совершается своя месса (*maša ne za te-žive* «месса не для живых»). Посещать эту мессу вынуждены души грешников, которые при жизни не молились и не ходили в церковь. Служит мессу покойный священник, не отслуживший все мессы, за которые получил деньги.

⁴ К этому дню могилы богато украшают цветами и фонариками. Если на какую-либо могилу родственники по тем или иным причинам не могут принести цветы, это делает человек, присматривающий за кладбищем, чтобы ни одна могила не осталась в эти дни без внимания.

В одном из рассказов говорится, что если живой человек окажется в этот момент в церкви и ответит на возглас священника-мертвеца, то таким образом душа этого священника будет спасена и избавлена от посмертного наказания (Подутана). В большинстве случаев попадание на мессу мертвых грозит для человека смертью, если покойникам удастся его обнаружить. Часто в мифологических рассказах встречается такая черта покойников, как безглавость, именно по ней оказавшийся в неурочное время в церкви человек узнает, что вокруг него не обычные молящиеся, а гости с того света (подробно о мессе мертвых см. [7]).

В беседах с информантами затрагивались и другие календарные праздники: Рождество (*Božić, božić*), Пасха (*Velika Nuóć*), Три Короля (*Svéti Tríje Kráji*), Карнавал (*Pust*), Успение (*Maríja Róžnca*) и др. Также велась беседа на тему семейной обрядности (свадебной, похоронной). Были получены сведения по народной медицине, в частности, удалось записать и снять на видео ритуал лечения ячменя (от уроженки деревни Аццида). Что касается народной демонологии, были записаны поверья и мифологические рассказы о таких персонажах, как кривопеты (*krivopéte, krujapéte* (Клодич)), танты (*tánte*), торки (*tórke*) (*tu tórak so hodíl tórke* ‘во вторник ходили торки’ (Мазаролис)), шкраты (*škrátić, škrátac* (долина Натизоне), *škarífić* (Терская долина) – гномы), штрии (*štríje* – ведьмы), морá (*morá*), великаны (*ýéjdi*), весны (*vesné*), *beledánti, vedenci – tísti, ki vídijo ponóć* «те, кто видит ночью» (Клодич) и др. Удалось записать несколько сказок от исполнительницы из деревни Таморис (Терская долина). Особое внимание уделялось вопросам, посвященным обрядовой и праздничной пище, ее номинации и способах приготовления. Оказалось, что наши собеседники противопоставляют свою домашнюю обрядовую выпечку (*čubánca* – сладкий рулет с ореховой начинкой, *čolobíca* – пасхальный хлеб в форме голубя и др.) одноименной выпечке промышленного производства, которая получила широкое хождение у фриульского населения в качестве локального блюда региона Фриули-Венеция-Джулия – *gubanza, gubanetta* (маленькая «губанца», напоминающая по форме и размеру булочку). По свидетельству наших информантов, «губанца» промышленного производства имеет очень мало общего с их домашней праздничной выпечкой. Равно как и пасхальная «голубица» абсолютно не похожа на фриульских «пасхальных голубей» (*colomba pasquale*), изготавливаемых в пекарнях в специальных формах, тогда как словенская «голубица» делается вручную и по способу изготовления скорее напоминает восточнославянских «жаворонков»⁵.

В заключение приведем несколько расшифрованных текстов, записанных в экспедиции 2022 г. в деревнях Клодич от М.П., жен. 1940 г.р. (тексты 1–2), Таморис от Э.К., жен. 1949 г.р. (тексты 3–6) и Подутана от М.К., муж. 1940 г.р. (текст 7). Тексты даются в упрощенной записи на основе стандартной словенской орфографии. Собеседница М.П. рассказывает на диалекте долины Натизоне о *ликофе* (1) [10. S. 95], празднике, который устраивают по окончанию важных сельскохозяйственных или строительных работ. В (2) речь идет о собственной языковой компетенции, М.П. вспоминает, что в детстве не владела итальянским языком. Тексты (3–5) представляют собой примеры сказок на терском диалекте, текст (6) является, с точки зрения жанра, мифологическим рассказом (быличкой), в котором повествуется о встрече с процессией мертвых. Характерной особенностью является то, что традиционный сюжет в рассказе сочетается со специфической для данного региона деталью: женщина, встретившая процессию мертвых, занимается

⁵ Фотографии пасхальной выпечки можно увидеть на сайте издания «Новый Матаюр»: <https://novimatajur.it/cronaca/velika-nuoc-s-sloviensko-maso-v-farni-cierkvi-v-spietre-na-veliko-saboto-ponekaterih-cierkvah-pa-zegan.html> (дата обращения: 27.11.2022).

контрабандой, переправляя через границу запрещенные товары (видимо, этим и объясняется ее нахождение вне дома в неуточненный час)⁶. Данные тексты интересны не только с содержательной, но и с формальной точки зрения: в них присутствуют переключение кода (со словенского на итальянский язык), метаязыковые комментарии и гезитации. Текст (7) также представляет собой быличку: здесь наблюдается взаимодействие литературной нормы словенского языка и диалекта долины Натизоне, что достаточно редко встречается, поскольку большинство носителей этого диалекта не владеют литературным словенским языком активно.

Дальнейшая работа по расшифровке записанных в экспедиции текстов позволит существенно пополнить архив словенских записей, имеющийся у авторов, новыми рассказами, а также выявить частотность контактных явлений в речи словенцев провинции Удине.

(1) Tle par nas líkof je dvakrat, likof. Kar se j' nardilo kajšan, beh, ta parvi likof je biw kar se je finilo siec travó, zak je bla velika fadǵja, a likof ni moraw bit prez štrukjuw kuhanih, kar je biw wsak likof, so bli štrukji kuhani. Potlé je biw likof, kar so nardil káko strieho od hiše. Dva tisti likofi so bli importánt, ɣaspodár od hiše ložiw strieho, so diel na varh no vej, parpel ɣo na strieho, kar je bluo, an potlé fešta, je biw likof, ɣo na slieme so diel. Smrieka al pa ne ven, lombor, al kar so ušafal, so obiesli, dok je biló zéleno.

(Здесь у нас ликоф был два раза, ликоф. Это делали, когда... первый ликоф был, когда закончили косить траву, потому что очень уставали [после этого], а ликоф не обходился без вареных штруклей. Потом был ликоф, когда возвели крышу. Два этих ликофа были важные. Хозяин дома возводил крышу, ставили наверх ветку, прикрепили на крышу, что было, а потом праздник, был ликоф. На конек прикрепили. Ель или лавр, или что было повесили, пока было зеленое).

(2) Jaz san se rodila štirdeseteya lieta, jaz san se rodila pod krajen, potle je biw fašjo, potle je bla republika, se zmislin tele trikolore, kar je bluo za votat. Potle sadalé je kar je... Ma jaz san bla že majhana, san no malo znala, ma niesan znala liepuo. Ankrat je bla moja mama do špitale, alora, morala bit, čakala otroká, ma tole j' morlo bit *del quarantacinque*, kar je tata paršew z vujské. Zak niesan poznala mojya tate. Anta me penje munja, anta mi kaže Krištuša atú. Ma ɣuori po taljansko. San zastopila, niesan znala ɣuorit, malo, samo «si», «no». «Si» an takuo, kar nekar san znala. Kar je páršla moja mama damu, san jala: «Mama, sadalé boš ɣuorila z mano po taljansko, jaz ne bom runala take slabe fiɣure, kuo san nardila do špitale, munja me je pejala ɣliedat tisteɣa velikeɣa Krištuša, niesan moɣla narest neɣa diskorsa. Jaz ne čen teleɣa špota imiet». Alora, mama me j' jala: «Ma ke porče pa nono an barba?» Nona je biw komerčánt, nono zna po laško, po slovensko, barba zna po ingeleško, zak je biw do Ameriki trikrat, zna po taljansko. Furlansko, jaz san imiela tetó San Giorgio di Nogaro, tam so ɣuoril buj furlansko, ko midruz tle, an pa san bla otrok, san saldo čula, san se navadla sáma par sebé. An potlé saldo če pride Furlan, ɣuorim po furlansko, če pride Taljan, ɣuorim po taljansko, če pride naš, če pride Slovenj, poviem po beneško, na po slovensko, ma ɣuorim buj po našin, če pride Niemac, ɣuorim po niemško, kar znan, ker se niesan zabila, zak puno liet, ke na ɣuorin, an francosko san znala, an zabila san se.

(Я родилась в сороковом году, я родилась при короле, потом был фашизм, потом была республика, я помню эти трехцветные флаги, когда нужно было голосовать. А сейчас есть что есть... Но я была маленькая, я немного знала, но я не знала хорошо [итальянский]. Однажды моя мама была в больнице, должно быть, она ждала ребенка, но это должно было быть в сорок пятом году, когда мой папа

⁶ Ср. сходную быличку, которую записал И.А. Бодуэн де Куртенэ в конце XIX в. в провинции Гориция (Пьюма) и которая была впервые опубликована в [4. С. 198].

пришел с войны. Потому что я не знала своего папы. И меня ведет монахиня, показать мне Христа [распятие?]. Но она говорит по-итальянски. Я поняла, я не умела говорить, немного, только «si», «no». «Si» и так, то, что я знала. Когда пришла моя мама домой, я сказала: «С этого момента говори со мной по-итальянски, чтобы я не попадала в такие ужасные ситуации, как было в больнице: монахиня меня повела смотреть на этого большого Христа, а я не могла сказать ни слова. Я не хочу больше, чтобы мне было стыдно». И мама мне сказала: «Что на это скажут дедушка и дядя?» Дедушка был торговец, дедушка знает фриульский, словенский, дядя знает английский, он был в Америке три раза, знает итальянский. Фриульский, у меня была тетя в Сан-Джорджо-ди-Ногаро, там говорили больше по-фриульски, чем у нас. И ребенком я всегда слышала, я сама научилась. И потом всегда, когда придет фриул, я говорю по-фриульски, если придет итальянец, я говорю по-итальянски, если придет наш, словенец, скажу по-бенецийски⁷, не по-словенски [литературно], а больше по-нашему, если придет немец, я говорю по-немецки, что знаю, что я не забыла, так как я много лет уже не говорю, и французский я знала, но забыла).

(3) Buoh kar je nareduw sviet, e daw wsacemu njeḡa delo. An teli žené, je jaw: «Ti maš runat smrt». «A ne-ne, – je jala, – jaz ne čen bit smrt, zaki wsi me bojo klel, zaki murjejó judje». «Se na boj, – je jaw, – Ti na boš maj kauža, o bojo, wsak umrie za kejšno rieč, o bo bolán, o páde». «Bon bon, dobró, – je jala, – dobró». Je jala tola žená. Alora e bla na žená, ke mela puno puno otruok tola žená, o majdan ji ni tiel bit botra in ni tiel krstit. Tola smrt je zaviedela, pride, an ji die: «Pošlušájte, me so jal, ke vi ḡliedate no botro, o majdan wan ne će krstit, še četé bom jaz waša botra». «Ma kadó ste vi?» – je jala. «Ez san smrt, – je jala, – san smrt! Pero se na bojte, wam nič nareden». Alora je prašála, póviedite me, ke stojité. An jo j' pejala tola smrt. Jo j' pejala tu no veliko [...] alora tola smrt peje tolo ženó, jo krstila čečico, jo dala botrínjo, de bo miela za jest, je dala puno rečí. An zad je praša: «Kje stojité vi botra? Poviedite me!» Je jala: «Vam pokažen, kje stojín». An jo peje tu no veliko štanco, vesté, kaj j' štanca? Kuo se dije štanca?.. An je biló će po tlieh vse puno kandel, vse kande, ke so ḡoriele. «Lajte, – je jala, botra je jala, – wsak, – je jala, – ma no kanelo, pero viesté, tik ka wḡásne kanela, midruz mamó umriet». «Alora, – je jala, – poviedite me, poviedite me, kejšna je moja». E bla na micakana, ke se re kar miela wḡasnt. «Tola tista mičekana je vaša, pred se mate umriet», – je jala. «E ne, – je jala, – me morate pomati, jaz mam puno otruok, na moren umriet». «E ne, – je jala, – ka prije vaša ura, mate umriet»... smrt je jušta. E pridna smrt. Ka pride vaša ura, mate ití. Se na more kupit.

(Бог, когда сотворил свет, дал каждому свое дело. И одной женщине он сказал: «Ты будешь отвечать за смерть». «О, нет, нет, – сказала она, – я не хочу быть смертью, из-за этого все будут меня проклинать, за то, что люди умирают». «Не бойся, – сказал Он, – ты не будешь виновата, не будут [проклинать]. Ведь каждый будет умирать по какой-то причине: по болезни или от падения». «Ну ладно, хорошо, – сказала она, – хорошо», – сказала та женщина. И вот была женщина, у которой было много-много детей, у той женщины. И никто не хотел идти в крестные, не хотели крестить. И смерть это узнала, пришла и говорит: «Послушайте, мне сказали, что вы ищите крестную, но никто не хочет крестить. Если хотите, я буду вам крестная». «А кто вы?» – сказала. «Я смерть, – сказала та, – я смерть. Но вы не бойтесь, я вам ничего не сделаю (плохого)». Ну ладно, та спросила: «Скажите мне, а где вы живете?» И ее повела та смерть и привела ее в одну большую [...] ну,

⁷ Имеется в виду – на местном диалекте (от словен. Венеџја «Венецианская Словения» (Slavia Friulana)).

эта смерть привела ту женщину, крестила ей девочку, дала ей угощение, чтобы ей было что есть, дала ей много всего. А та женщина спросила: «А где вы живете, крестная? Скажите мне». И та сказала: «Я вам покажу, где живу». И повела ее в большую комнату (ит.). Вы знаете, что такое комната (ит.)? Как говорится «комната»? И на полу было полно свечей и все свечи горели. «Смотрите, — сказала... крестная сказала, — у каждого есть своя свеча, но знаете, как только погаснет свеча, мы должны умереть». «Ну, — сказала, — скажите мне, скажите мне, которая из них моя?». И была одна маленькая, которая как раз должна была погаснуть. «Вот эта маленькая — она ваша, вы скоро должны умереть», — сказала она. «О, нет, вы должны мне помочь! У меня много детей, я не могу умереть!» «Ну нет, — сказала, — когда придет ваш час, вы должны умереть». Смерть справедлива. Смерть честна. Когда придет ваш час, придется уйти, от этого невозможно откупиться).

(4) Vam povien še ednó, kar pravila moja nona, zak jaz san pošlušála, me je plažalo, kakó ģwarijo. Alora, e jala nona, ke e biw puob an čečá, kuo se dije *due fidanzati, due?*... Alora, se so tiel rad, an se so zapoviedal, de o žiwí, o mrtwi se ni majo maj pustit, majo bit nimra kupe... alora, zapoviedat, kwo se dije? Zapoviedat, *giurare, promettere, obécat!*... Se so obečál, de se bojo tieli (m)rat, de se na maj maj pustijó. An on teli puob je muw iti na vujskó. Je šuw na vujskó. Pero maj ni je peršuw damú, maj ni je pisaw, ona ģa je čakala, an no noć on je peršuw ģo na te bielen konju. E peršúw. An ji je jaw: «ģremo z mano, bomo nimar kupe, ģre z mano». «Ja, ja, — ona je jala, — ģren s tabo». An jo ložiw ģo na konju, obadwá, an so šli. On je biw mrtew, pero oná se ni dovezála, de je biw mrtew. On je ģwariw: «Luna lepo seje, te mrtwi te živeģa na bиеlem konju peje». An jo peje tu britof, ona mu je jala: «Ke me peješ, ke me peješ?»... «Ja ez, — te jal, — stojin tleka». Alora ona, je pršlo ģor, de je, ni je jušto, de mora bit mrtew. Furbasta, ona je bla furbasta. Je mela fierteh, ģrmáw, fierteh dijete, ne? Alora, je bla odprta jama du britofe an so meli iti not. «E ne, — je jala, — biež ti prvi, an zad prijen jezт». Alora on je jaw: «E ne, zak me utečéš!» Ona mu je jala: «Na, te dan ģrmáw, še me boš tíščaw, me povlečeš not». Ona furbasta, jo zvezála, on je powlekuw not, se je zaprlo, an ji je jaw: «Mikano, prekleta, ke s' naredila». Na viem, táko. Tiste se zmislin, ke nona je pravila nimar. Puno pravic je pravila nona (см. текст данной сказки, записанный от этой же информантки, в [11. S. 152–153]).

(Вам расскажу еще одно, что рассказывала моя бабушка, ведь я слушала, мне нравилось, как говорили. Итак, бабушка говорила, что были парень и девушка, как говорят, двое помолвленных (ит.), двое... ну, обещали друг другу, что или живые, или мертвые, никогда не расстанутся, всегда будут вместе... ну, обещать, как говорится? Поклясться, поклясться (ит.), обещать (ит.), обещать!.. Они друг другу обещали, что если даже умрут, то никогда-никогда не расстанутся. А тот парень должен был идти в армию. И он пошел в армию. Но не вернулся домой и не писал. Она его ждала, и однажды ночью он приехал на белом коне. Пришел и сказал ей: «Поедем со мной, будем всегда вместе, пойди со мной». «Да-да, — сказала она, — я поеду с тобой». Он ее посадил на коня, и они оба поехали. Он был мертв, но она еще не поняла, что он мертв. Он говорил: «Луна красиво светит, мертвый живую на белом коне везет». И привез ее на кладбище. Она ему сказала: «Куда ты меня везешь? Куда везешь?» «А я, — говорит, — здесь живу». И тут до нее дошло, что что-то не так, что он, должно быть, мертв. А она была хитрая, хитрая была. У нее был фартук. Фартук вы говорите? А была раскопана могила на кладбище, и они должны были спуститься туда. «О нет, — сказала она, — иди ты первый, а я следом за тобой». Тогда он ей сказал: «Ну нет, ты от меня убежишь». Она ему ответила: «Нет, я тебе дам фартук, ты за него потянешь и меня затащишь внутрь». А она была хитрая и она его отвязала. Тот потянул внутрь, но могила закрылась,

и он сказал: «Проклятая, что ты наделала!» Что-то такое. Это я помню, как моя бабушка всегда рассказывала. Много сказок рассказывала бабушка).

(5) Je jala nona, ke e bla dan dan na žená. Niso miel žvejarí na ure, an se je zbudila ponoč, an je jala: «San zaspala, man iti u k maš». An ka pride γo cierkuw, wse še molijelo potiho potiho, an ka pride not, so bli so wse tele judje prez (γ)lawe. Niso miel (γ)láwe. Alora, e bla edná žená, ke bla nje botra, je pršla blizu, je jala: «Biežite, biežite, subito!» Ona je jala: «Na bodíte tle! An če vam páde ke du na tla, na pobierite γor, ma ko biežite». An tola žená se j uštrašila, an je šla damú, je paduw facó, ta na tlieh, an ne pobrala. Druγ dan ka so šli γo britof, wsi križe so miel po dan koščík nje facóle utryán, an ložen na to, so bli te dušice, zaki niso tiele bit dišturbane, je bla njih ura za molít tista... Nono, viesté, jo san miela za norcá nono. Alora, «Nona» – san jala: «ne, vi ste jala nje botra, ma kakó je poznala nje botra, če ni miela γlawe?» Alora nona me jala: «Biež, ti na viereš neč». Smo bli buj furbaste ko nona, ne, te stare se vierval tole rečí.

(Рассказывала бабушка, что когда-то была одна женщина. А тогда не было часов, она проснулась ночью и сказала себе: «Я проспала, а мне нужно идти к мессе». И когда она пришла в церковь, там молились тихо-тихо. Войдя внутрь, [увидела], что все те люди были без голов. У них не было голов. И там была одна женщина, которая была ее крестная. Она подошла и сказала: «Бегите, бегите быстро! – она ей сказала. – Не будьте здесь! И если у вас что-то упадет, не поднимайте, но убегайте». И та женщина испугалась и пошла домой. И у нее упал платок на землю, она не подняла. На следующий день, когда пошли на кладбище, увидели, что на всех крестах лежало по одному клочку ее платка разорванного. Это были души, они не хотели, чтобы их беспокоили, потому что это было их время молитвы... Бабушка, знаете, я над ней шутила, над бабушкой. Я говорила: «Вы сказали, что это была ее крестная, а как она узнала крестную, если она была без головы?» И бабушка мне говорила: «Ты ни во что не веришь!» Мы были более хитрые, чем бабушка, старые люди верили в такие вещи).

(6) An na žená je šla, je hodila runat kwintabánt, kwo se dije tiste, *contrabando come si dice?* E hodila kontraband tola žená. Alora, e šla, de pujde zγoda. An je jala: «Se ustaven, čujen, ke molijo, oni so bli te mrtvi, ke so šli u pracesijo to cierkve γo britof. So wse tisto mrtvo, ke so bli, jaz se san ustavila, se san uštrašila». Zak tist na vien ali ries. Na vien... Jaz ne verjen.

(И одна женщина шла, она ходила занималась контрабандой, как это говорится, контрабанда, контрабандой занималась та женщина. И вот она шла утром рано. И говорит: «Я остановилась, слышу, как молятся, это были мертвые, которые шли процессией из церкви на кладбище. Все они были мертвые, все, кто был. Я остановилась, я испугалась». И вот я не знаю, правда ли это. Не знаю... Я не верю).

(7) Včasih se je slišalo to. San pošlušuw nega duhovnika iz moje vasi. On je rekew, de je biw cerkvenik, mežnar, in zjutra v našo cierkuw je hoduw zvonít jutarince. Že ponoč prej ko je sonce wstalo. An dan more bit tele dni je odpar cierku, je šuw notre an je viduw, de na oltarju je biw duhovnik, ki je mašewaw. Je šuw blizu, mu je odgovarjuw zakar gre, an ob na koncu maše je rekuw: «Jez že sadá že štirideset let vsaki dan hoden tukaj mašo darovat, ampak nihče mi ne odgovarja, tako de se na moren rešit iz vic». Tisto san šlišaw iz mojih ušes, na moren pričet, a je ries al ne, takó san šlišaw. Eko, tisto je.

(Иногда такое можно услышать. Я слышал от одного священника из моей деревни. Он сказал, что был один пономарь, церковный служака, и он ходил по утрам в нашу церковь звонить к утренней молитве. И еще ночью, до восхода солнца. И однажды, может быть, в эти дни [поминальные дни 1–2 ноября] он открыл церковь, зашел внутрь и увидел, что у алтаря был священник, который служил мессу. Он приблизился, ответил [на возглас, когда это требовалось].

И в конце мессы тот священник сказал: «Я уже сорок лет как каждый день сюда прихожу служить мессу, совершать Евхаристию, но никто мне ни разу не отвечал, поэтому я не могу спастись из чистилища». Это я сам слышал собственными ушами, но не могу сказать, правда это или нет, но я так слышал. Вот так, есть такое).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пилипенко Г. Некоторые контактнообусловленные явления в словенском диалекте долины Натизоне // *Slavia Meridionalis*. 2021. № 21. 2388.
2. Пилипенко Г.П., Ясинская М.В. Экспедиция к словенцам в Италии // *Славяноведение*. 2018. № 1. С. 106–111.
3. Пилипенко Г.П., Ясинская М.В. Из календарной обрядности словенцев в Италии // *Живая старина*. 2018. № 2 (98). С. 55–58.
4. Ясинская М.В. Календарные поминальные обряды и обычаи словенцев // *Славянские архаические ареалы в пространстве Европы* / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2019. С. 187–202.
5. Ясинская М.В. Образ границы и соседей в восприятии словенского этнического меньшинства в Италии (провинция Гориция) // *Etnografia*. 2021. № 1 (11). С. 50–74.
6. Ясинская М.В. Обычай *Božična Devetica* (*Novena di Natale*) на итальянско-словенском пограничье: традиция и современность // *Живая старина*. 2022. № 4 (116). С. 2–6.
7. Ясинская М.В. Сюжет о мессе мертвых в мифологических рассказах и поверьях словенцев // *Слово и человек. К 100-летию академика Никиты Ильича Толстого* / ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2023. С. 566–578.
8. Balloch B. *Lučice na oknah. Naš svet pouan naposebnosti / il nostro mondo pieno di meraviglia* / ur. R. Dapit, L. Trusgnach in D. Zuljan Kumar. *Čedad / Cividale del Friuli: Kulturno društvo Ivan Trinko*, 2018. 480 s.
9. Merku P. Unejci, Onejci ali Vnejci? // *Traditiones*. 1999. Letnik 28. 1. S. 309–310.
10. Špehonja N. *Vocabolario Nediško – Italiano*. San Pietro al Natisone: Associazione Lintver, 2010. 348 s.
11. http://bos.zrc-sazu.si/c/Dial/Nadisko_narecje/Spehonja_2010_vocabolario_nedisko_italiano.pdf
12. Tomasetig A. *Od Idrije do Nediže = Dal Judrio al Natisone. Benečija = Slavia Friulana*. Udine: Istituto di Ricerca Achille Tellini, 2010. 568 s.
13. Zuljan Kumar D. Nekaj besednorednih posebnosti v nadiškem in briškem narečju // *Jezikoslovni zapiski*. 2003. No. 9 (2). S. 59–80. <https://doi.org/10.3986/jz.v9i2.2589>

REFERENCES

- Balloch B. *Lučice na oknah. Naš svet pouan naposebnosti = il nostro mondo pieno di meraviglia*, ed. R. Dapit, L. Trusgnach, D. Zuljan Kumar. *Čedad = Cividale del Friuli, Kulturno društvo Ivan Trinko Publ.*, 2018, 480 p. (In Slovene, in Italian)
- Merku P. Unejci, Onejci ali Vnejci? *Traditiones*, 1999, letnik 28, no. 1, pp. 309–310. (In Slovene)
- Pilipenko G.P., Yasinskaya M.V. Ekspeditsiia k sloventsam v Italii. *Slavianovedenje*, 2018, no. 1, pp. 106–111. (In Russ.)
- Pilipenko G.P., Yasinskaya M.V. Iz kalendarnoi obriadnosti sloventsev v Italii. *Zhivaia starina*, 2018, no. 2 (98), pp. 55–58. (In Russ.)
- Pilipenko G. Nekotorye kontaktnoobuslovlennyye iavleniia v slovenskom dialekte doliny Natizone. *Slavia Meridionalis*, 2021, no. 21, 2388. (In Russ.)
- Špehonja N. *Vocabolario Nediško – Italiano*. San Pietro al Natisone, Associazione Lintver, 2010, 348 p. (In Slovene, in Italian)
- Tomasetig A.A. *Od Idrije do Nediže = Dal Judrio al Natisone. Benečija = Slavia Friulana*. Udine, Istituto di Ricerca Achille Tellini Publ., 2010, 568 p.
- Yasinskaya M.V. Kalendarnyye pominal'nyye obriady i obychai sloventsev. *Slavianskije arkhaiskije arealy v prostranstve Jevropy*, ed. S.M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 2019, pp. 187–202. (In Russ.)
- Yasinskaya M.V. Obraz granitsy i sosedei v vospriiatii slovenskogo etnicheskogo men'shinstva v Italii (provintsii Goritsii). *Etnografia*, 2021, no. 1 (11), pp. 50–74. (In Russ.)
- Yasinskaya M.V. Obychai *Božična Devetica* (*Novena di Natale*) na ital'iansko-slovenskom pogranich'je: traditsiia i sovremennost'. *Zhivaia starina*, 2022, no. 4 (116), pp. 2–6 (In Russ.)

Yasinskaya M. V. Siuzhet o messe mertvykh v mifologicheskikh rasskazakh i pover'iyakh sloventsev. *Slovo i chelovek. K 100-letiyu akademika Nikity Il'yicha Tolstogo*, ed. S. M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 2023, pp. 566–578. (In Russ.)

Zuljan Kumar D. Nekaj besednorednih posebnosti v nadiškem in briškem narečju. *Jezikoslovni zapiski*, 2003, no. 9 (2), pp. 59–80. (In Slovene)

Информация об авторах:

Пилипенко Глеб Петрович,

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института славяноведения Российской
академии наук,

г. Москва, Российская Федерация.

ORCID: 0000-0002-5422-0039

E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Ясинская Мария Владимировна,

кандидат филологических наук, научный
сотрудник Института славяноведения
Российской академии наук,

г. Москва, Российская Федерация.

ORCID: 0000-0001-9137-6668

E-mail: jasinskaja.inslav@gmail.com

Information about the authors:

Pilipenko Gleb P.

Ph D. (Philology), Senior Researcher,
Institute of Slavic studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-5422-0039

E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Yasinskaya Maria V.

Ph D. (Philology),

Research Fellow,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-9137-6668

E-mail: jasinskaja.inslav@gmail.com